

Классическая формула бонапартизма – баланс на противостоянии двух крайних сил

Из-за чего конфликт

По мнению Г.Х.Попова, в основе спора, потрясшего Думу, – материи низменные: "места у кормушек", "банковские билеты". Вопрос о лидерстве в комитетах, полагает он, важен лишь для потребителей номенклатурных благ, претендующих на высокие места в думском табеле о рангах, да еще для спонсоров, финансировавших избирательные кампании партий, отстраненных при дележе комитетов. Было бы ханжеством оспаривать присутствие статусных претензий при разделе думских комитетов. И все же я утверждаю, опираясь на десятилетний опыт работы в парламенте, что председательские кресла в комитетах (если только хотеть и мочь ими толково распорядиться), ис-

стический альянс, хотя об этом прямо было сказано думским лидером "заединщиков": да, благодаря альянсу нам досталось больше комитетов. Можно было бы посмеяться над детским бесстыдством такого объяснения, если бы все дело сводилось к вожделяниям политических неофитов, подоспевших к разделу пирога. В действительности за сделкой стоит далеко идущий расчет с опасными последствиями.

Ущемлена ли демократия?

Поразительно, но Гавриил Харитонович дает на этот вопрос отрицательный ответ. Сначала большинство навязало меньшинству открытое голосование по персональному вопросу (кстати, без серьезной надобности, ибо при данной расстановке сил тот

имеет. Ведь депутаты меньшинства в Государственной Думе и добиваться этого не должны: участие в работе комитетов им гарантируют регламент Думы и закон о статусе депутатов. Вот только пойдут они туда не за тем, чтобы перетягивать на свою сторону не до конца определившихся "заднекамечников", которых и в 1989 г. было не густо, а сейчас совсем не заметно. Расстановка сил определилась, и апеллировать надо не к коллегам в зале, а к обществу, что и сделали три фракции.

Не побрезговал Гавриил Харитонович солидироваться с жириновцем Митрофановым, сославшись на американскую традицию, где победившая на выборах партия забирает все комитеты. Но, во-первых, в США комитеты берет исторически укорененная в об-

Так чья же победа?

В происшедшем Гавриил Харитонович видит "два существенных вклада в укрепление российской демократии" и связывает эти "победы" с "курсом и.о. президента Владимира Путина". Как будет выглядеть российская демократия при президенте Путине – открытый вопрос, обсуждение которого пока лучше отложить, ограничившись лишь осторожным: "блажен, кто верует". А вот разговор о "победах" откладывать нельзя.

Первая "победа" – начало интеграции КПрФ "в постиндустриальную систему". Если бы нечто подобное происходило в действительности, с Гавриилом Харитоновичем можно было бы согласиться. Необхо-

торских потенциалов режима она оказывала и оказывать будет. В свете всего этого и надо ответить на вопрос: зачем же было дарить коммунистам и их союзникам гроздь ключевых постов в Думе, превышающих их влияние в обществе, опираясь на которые они будут проводить свою линию? Прав С. Ющенко, бросивший реплику: "Сила коммунистов – в Единстве". Во всяком случае, "долгосрочное партнерство" с КПрФ, на которое надеется Гавриил Харитонович, если и состоится, ничего хорошего не обещает.

Второй успех Гавриил Харитонович усматривает в создании "проправительственного большинства в Думе". Сразу же возникает вопрос, который он даже не ставит: почему такое большинство надо было создавать вместе с коммунистами, грубо ущемляя интересы и возможности парламентской работы иных, казалось бы, более близких к "медвежатам" сил, выплачивая коммунистам непомерную ренту и практически ничего не получая за это взамен?

Дело, конечно, не сводится к тем 3-4 комитетам, которые "Медведь" и его союзники получили сверх того, на что они могли бы претендовать при пропорциональном разделе. Их кукловодные повели себя беспринципно, в явном противоречии с установками и лозунгами проводившейся ими избирательной кампании. Некоторые защитники сговора в ответ на это обвинение заявили: не ваше дело, пусть "Медведь" сам разбирается со своими избирателями. Пусть так, но политические силы, отброшенные в оппозицию, не могли не указать на этот культ "медвежьим" избирателям, за которых идет и будет идти борьба.

Как всякий беспринципный союз, этот альянс непрочен и, скорее всего, недолговечен. "Медведи" уже заявили, что по одним вопросам собираются блокироваться "налево", а по другим "направо". Это классическая формула бонапартизма, утверждающая власть, балансируя на противостоянии двух крайних сил. Чем это лучше отсутствия проправительственного большинства в Думе?

И еще одно замечание относится к политическим и человеческим качествам тех, кто единодушно, без особых споров и сомнений скрепили сговор своими голосами. Депутаты шойгу-путинского призыва, люди в большинстве своем без политического роду и племени, гордящиеся своей партийно-политической якобы неангажированностью и прагматизмом, повели себя как бальшевики времен искоренения открытой оппозиции в их партии, за что один из лидеров этой оппозиции назвал сталинских приверженцев "голосующий баран". Что не помешало, впрочем, в свой час отправить большинство баранов на убой.

В заключение отмечу, что различия в социальной базе сил, отброшенных в оппозицию, история их непростых отношений, да и последние сигналы, исходившие от некоторых думских отказников, оставляют мало надежд на "консолидацию правых сил", которую Гавриил Харитонович, видимо, несколько поторопился одобрить. Устрашающая перспектива "довести... обычный парламентский кризис до внепарламентских действий" не только не является сейчас "самой опасной", но и вообще существует лишь в мире виртуальных абстракций. А вот опасность дальнего сползания к авторитаризму вообще, манипулируемому парламенту, в частности, – вполне реальная. Дай бог, чтобы сопротивление думского меньшинства действительно вредоносной тенденции не окзалось преходящим эпизодом.

Виктор ШЕЙНИС

Смысл и уроки парламентского кризиса: ИНОЙ ВЗГЛЯД

Парламентский кризис, начавшийся 18 января, когда прокрутилась наскоро созданная машина голосования, уходит в прошлое. Не потому, что найдено удовлетворительное ему разрешение, а потому что против лома нет приема. Но споры по поводу происшедшего, сопоставление различных оценок – важная составная часть политического и интеллектуального опыта, который постепенно накапливает наше общество. Пытаться перекричать злобный залихватный лай вслед выходящим из зала депутатам со стороны тех, для кого он специализация, – занятие скучное и бессмысленное. Но когда на страницах печати появляется внятная критика действий трех фракций, которые соединил неожиданный поворот думских событий, и когда с такой критикой выступает тонкий аналитик, признанный "парадоксов друг" Г.Х.Попов ("Общая газета", №4, 27.01-2.02.2000), оппонировать становится совершенно необходимо.

ключительно важны именно для "выполнения обязательств перед избирателями". Возглавляя в течение ряда лет председательские посты в соответствующих комитетах специалистами высшей квалификации, "Яблоку", например, удавалось подчас блокировать наиболее безответственные выходы в международных делах и способствовать проведению реалистического курса во внешней политике, делать бюджетные показатели чуть менее дутыми, настойчиво проводить законодательство по соглашениям о разделе продукции и т.д. Хотя ни в одном из этих комитетов у "яблочников" не было большинства.

Точно так же выход трех фракций из зала был предпринят вовсе не для того, чтобы ублажить спонсоров. Это был выразительный сигнал общественному мнению: "в нашем доме пахнет воровством". Конечно, выход из зала – острое оружие, которое может затупиться от частого употребления. Однако есть опыт: уже однажды покинув заседание, а в другом случае на него не явившись, демократические депутаты сумели привлечь внимание к тому, что в Белоруссии, судьба которой нам не безразлична, установился нелегитимный режим. И этот поступок был правильно оценен теми, кто не хочет распространения "всенародного одобрения" на Россию и видит серьезную опасность в играх вокруг российско-белорусского договора, соответствие которого нашей Конституции вызывает серьезные сомнения. Только совсем темные люди или провокаторы могут приравнивать отказ от участия в неблагоприятной дележке к бойкоту парламентской работы в целом и возводить абсурдные обвинения, соответствующие интеллектуальному уровню "докторов рабочих наук".

Наконец, если Гавриил Харитонович убежден, что все дело в борьбе за "кормушки", то можно подивиться тому, что в совершенно ином ключе рассматривает он медвежье-коммуни-

же результат мог быть легко достигнут и при более шепетильном отношении к процедуре). Сказалась, между прочим, неальтернативность моих коллег, которые помогли коммунистам внести соответствующее изменение в регламент Думы, когда разворачивалась борьба по поводу импичмента. Затем – в резком контрасте с порядком, действовавшим в Думе и в 1994-95, и в 1996-99 гг., когда распределение комитетов осуществлялось пропорционально численности депутатских объединений, – был реализован сговор большинства за спиной меньшинства. Если безызвестный корреспондент на страницах уважаемой газеты ("Известия", 1.02.00) называет права меньшинства "благослапостью", то у меня нет вопросов: решились советского представления о демократии живучи. Но я никак не могу взять в толк, почему такой искусственный автор, как Гавриил Харитонович, считает, что порядок, при котором "меньшинство игнорируют, лишают трибуны, компрометируют", вписывается "в рамки демократии".

Гавриил Харитонович вспоминает, в какие жесткие условия на I Съезде народных депутатов СССР была поставлена московская (впоследствии межрегиональная) депутатская группа, не замечая, что пример этот противоречит его рассуждениям о демократии "комфортной" и "прессинговой". Ведь никто, в том числе и уважаемый сопредседатель межрегиональной группы, обращение с меньшинством съезда демократическим не считал, затопывание Сахарова осуждал, против попыток ввести деятельность МДГ в жесткие рамки протестовал.

"Любой ценой добейтесь возможности работать в комитетах Верховного Совета", – рекомендовал тогда Гавриил Харитонович своим коллегам. Рекомендация правильная, но к данному случаю никакого отношения она не

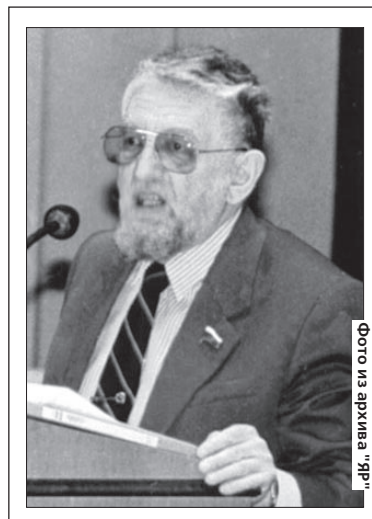

ФОТО ИЗ АРХИВА Ю. ЛОБОВА

ключительно для данной цели разноматный "тактический" альянс. А, во-вторых, и, это главное, в России уже складывался иной порядок. Он действовал и в Думе обоих созывов, и в Верховном Совете 1990-1993 гг. То, что сделали "медведи" и коммунисты – большой шаг назад, возврат к ситуации 1993 г., когда в условиях обострившегося конфликта Хасбулатов начал выбивать с постов неугодных ему председателей комитетов.

"Прессингованная" демократия – это некое подобие бутерброда второй свежести. Принятие решений большинством голосов – лишь поверхностная, наиболее очевидная черта демократии. Ничуть не менее важно, как и из каких компонентов складывается большинство, и готово ли оно идти на известное самоограничение с тем, чтобы гарантировать права меньшинства.

На базе большинства – с исключением меньшинства – формируется обычно исполнительная власть, где нет времени и возможности проводить дискуссии по оперативным вопросам управления. Но парламент потому и называется представительной властью, что в нем предполагаются условия для пропорционального (в том числе и в сфере организации законотворческой деятельности) представительства разных позиций, существующих в обществе (за исключением самых экзотических и экстремистских), количественно совсем незначимых меньшинств.

Можно согласиться с Гавриилом Харитоновичем, что искать защиту от диктата думского большинства в Кремле или Белом доме и несолидно, и не серьезно. Но вывести из тени дирижеров, показать несамостоятельность "медвежат", вскрыть связи анонимных кремлевских политиков, привыкших принимать безответственные "волевые" решения, с ухватившим богатую добычу альянсом – необходимо и разумно.

димо, однако, трезво оценить, что представляет собой КПрФ на данном этапе ее эволюции, во что она интегрируется, на какой стадии находится этот процесс, и что в этом отношении принес "тактический альянс".

Названная интеграция означала бы не что иное, как превращение ленинско-сталинской "партии нового типа" в нормальную социал-демократию. Различные отряды былого мирового комдвижения после его крушения эволюционируют по-разному. Есть бывшие компартии Польши и Венгрии, которые проходят процесс социал-демократизации. Есть компартия Чехии, которая застряла на заскорузлой позиции, и есть Трудовая партия Северной Кореи, для обозначения которой у меня нет слов. В идейно-политической ориентации, в отношении к собственному прошлому, во внутренней организации КПрФ находится где-то между чешской и корейской партиями (дружбу с последней она не стыдится выказывать).

"Анализ действий КПрФ в предыдущих Думах" вовсе не подтверждает надежду Гавриила Харитоновича на разумную эволюцию этой партии. Комфракция и ее союзники не были конструктивной оппозицией ни в Верховном Совете, ни в обеих Думах. По большинству принципиальных вопросов, таких как ориентация внешней политики, частная собственность на землю, пересмотр приватизации, свобода печати, отношение к нашей истории вообще, к Сталину в частности, к сталинистам и антисемитам в собственных рядах в особенности, и многим другим, КПрФ занимает консервативные, антидемократические, антизападные, антирыночные позиции.

Наконец, ни новое начало, ни какой-либо поворотный пункт в поведении думских коммунистов сделка по комитетам не означает. Гавриил Харитонович отмечает, что КПрФ из внесистемной оппозиции стала превращаться в системную. Но этот процесс – если иметь в виду то, что она не зовет своих сторонников на баррикады, – начался не вчера. Известно конформистское поведение Зюганова и его сторонников и в дни Беловежья, и в сентябре-октябре 1993 г. В ряде критических ситуаций, грозивших досрочным роспуском Думы, комфракция всегда выделяла дозированное число своих депутатов для голосования, в которых были заинтересованы президент и правительство. Проблема "реванша советско-коммунистической системы" уже не стоит: конституционным путем получить власть КПрФ не смогла и не сможет, а спровоцировать гражданскую войну она не готова и не способна. Однако нашим в пользу подавления реформа-